

Глава 2. Человек из грёз

Пробежав глазами дежурные фразы в уведомлении о зачислении в академию Циюэ, И Цзян по-настоящему выдохнул лишь на строчке «обучение за счёт заведения».

Этим он был обязан шахматному турниру, прошедшему несколько месяцев назад. Тогда он взял золото и получил неплохие призовые, но под гневные окрики матери мог лишь беспомощно смотреть, как почётную грамоту — символ его триумфа — швыряют на пол.

— Ты что, думаешь, раз получил какую-то бумажку и притащил копейки, так сразу героем стал?! — кричала она. — Тратишь всё время на эти свои шахматы, а об учёбе и не думаешь! Какой из тебя выйдет толк? На сколько хватит этих грошей? Да их и на семестр не наберётся! Я спину гну не для того, чтобы ты в игрушки играл!

И Цзян участвовал в городском турнире по сянци втайне от неё. Он надеялся: принесёт домой кубок и деньги — и мать сменит гнев на милость, поймёт, что шахматы — это серьёзно. Но в ответ получил лишь очередную порцию ругани.

— Если я стану профессиональным игроком, то...

— Ещё и огрызаешься!

Звонкая пощёчина оборвала его на полуслове. Ухо обожгло болью, в голове поплыл глухой гул, будто мир внезапно затянуло плотной ватой.

— Профессиональный игрок? — не унималась мать. — Это как те старики на ночных рынках? Посмотри на свои оценки! Тебя в приличный вуз не возьмут, даже в захудалое ПТУ не пролезешь! И ты ещё смеешь заикаться о карьере шахматиста? Ты меня в могилу свести хочешь!

Женщина горько разрыдалась. Она вытирала слёзы засученным рукавом, продолжая механически складывать сухое бельё.

— Не закончишь университет — пойдёшь на завод вкалывать! Даже если учиться не любишь, получи диплом для галочки, хоть работа будет полегче. Я дом твоего отца заложила, чтобы тебе на четыре года учёбы наскрести! Хотела, чтобы ты не горбатился, как мы с ним... А ты? Целыми днями якшаешься с заводскими заправилами, в азартные шахматы с ними режешься...

«Всё не так, мама», — вертелось у И Цзяна на языке, но он промолчал. Сянци — это национальное достояние, вид спорта, признанный во всём мире. Шахматисты становятся профессионалами, ездят на международные турниры. Если он выиграл город, то, приложив усилия, сможет покорить и страну, и мир.

Но слова так и остались несказанными. Отец получил травму на производстве, когда И Цзян ещё учился в средней школе. Завод поначалу выплачивал какие-то крохи, но быстро умыл руки. Мать несколько раз ходила к руководству, но её каждый раз выставляли за дверь. Спустя полгода отец скончался, оставив после себя лишь пустые счета — все накопления ушли на лекарства. Чтобы прокормить сына, мать устроилась помощницей в ресторан. Хозяин попался совестливый: давал ей двойную нагрузку, чтобы и платить в два раза больше. Так она одна и тянула И Цзяна до восемнадцати лет.

Ей предлагали выйти замуж снова, и это сильно облегчило бы жизнь, но мать боялась, что отчим будет плохо относиться к сыну. Несколько раз она ходила на свидания, беря И Цзяна с собой. Потенциальные женихи, завидев взрослого парня, тут же давали заднюю. Лишь один по-настоящему привязался к ним, даже дарил И Цзяну подарки, но позже признался, что хочет своих детей. Мать отрезала: у неё в жизни есть только один сын, и других ей не нужно.

Больше сватов к ней не засылали. За последние годы она сильно сдала, и в свои сорок с небольшим уже щеголяла сединой. Мать подкрашивала волосы, но никакая краска не могла скрыть глубоких морщин.

И Цзян прекрасно понимал, какой ценой ей всё даётся, а потому никогда не перечил. Он рос послушным и рассудительным, не в пример сверстникам. Но в учёбе талантов не проявлял — как ни старался, оценки выше средних не поднимались. Единственной его страстью были шахматы. Соседи-работяги в один голос твердили, что парень — гений и схватывает всё на лету. Он думал, что этот дар заставит мать гордиться им, но для неё существовал лишь один путь — диплом вуза. Даже чемпионский титул города не смог пошатнуть её предубеждений.

После выпускных экзаменов И Цзян устроился в тот же ресторан, где работала мать. Зачисление в вузы шло своим чередом: сначала элитные заведения, потом первая волна, вторая... Дни сменялись неделями, новостей не было, и сердце И Цзяна с каждым разом падало всё ниже. Он знал, что его баллов ни на что приличное не хватит, но видеть, как его одноклассники получают заветные конверты, было невыносимо. С каждым днём ему становилось всё труднее смотреть в измождённое лицо матери.

Звонок от директора школы застал его врасплох.

— Про академию Циюэ слышал? Да-да, та знаменитая школа искусств на окраине! Хоть она и частная, но статус у неё серьёзный, уровень первого потока. Тебе, парень, сказочно повезло: они увидели твою победу на городском турнире и зачислили без разговоров. Да ещё и как особо одарённого студента — платить за учёбу не придётся!

Дальнейшие слова директора пролетели мимо ушей. Лишь увидев в уведомлении фразу «обучение за счёт заведения», И Цзян почувствовал, как с души свалился огромный камень. Теперь матери не придётся закладывать дом. На жизнь он заработает сам, а поскольку академия в их городе, можно будет часто бывать дома.

Самое главное — диплом будет настоящим. Наконец-то мать сможет спать спокойно.

Поначалу она не поверила. Школа искусств? Это же для художников и музыкантов, при чём тут её сын? Строчка «факультет физической культуры» в письме ввела её в ступор. Директор пояснил по телефону: в Циюэ под этим направлением понимают интеллектуальный спорт — сянци, го и шахматы.

— Шахматы... и это теперь спорт? — недоумевала мать.

Она наконец перестала хмуриться. Она знала одно: сын поступил в университет, и за это не нужно платить, потому что её мальчик — чемпион.

Весь остаток лета И Цзян вкалывал. Хозяин ресторана, видя его рвение, расщедрился на небольшую премию для него и матери. Денег было немного, но он привык экономить на всём. Если найти подработку в академии, на первый семестр должно хватить.

Завтра нужно было явиться на регистрацию. И Цзян не чувствовал привычного для первокурсников мандража, лишь свинцовую усталость. Столько лет он стремился исполнить желание матери, и теперь, когда цель была достигнута, ему хотелось только одного — выспаться.

Едва голова коснулась подушки, он провалился в глубокий, безмятежный сон. Впервые за долгое время его не терзали тревоги, ведь впереди его ждало то, что он любил больше всего на свете — шахматы.

Через какое-то время до него донеслись звуки музыки. Мелодия была тягучей, безмятежной, будто сами струны заставляли воздух колыхаться незримыми волнами. И Цзян не знал, что это за инструмент, и не понимал смысла мелодии. Честно говоря, он никогда не увлекался музыкой и не смог бы напеть ни одного популярного хита. Эти неземные звуки заставили его усомниться — не грезит ли он наяву?

Несмотря на непонятную структуру произведения, гармония была целительной. Усталость покидала тело, И Цзян чувствовал странную лёгкость, словно он парил в пустоте, укутанный в мягчайший шёлк.

«... С виду парень тихий...»

Кто-то говорил совсем рядом. И Цзян хотел открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом.

«... Значит, это и есть будущая нянька для Сяо Бая? Бедолага. Всю жизнь мыкался, а рядом с Сяо Баем ему и вовсе несладко придётся».

Голос принадлежал юноше, но в нём сквозила несвойственная возрасту рассудительность. Тон был настолько убедительным, что И Цзян, сделав над собой невероятное усилие, приоткрыл

глаза.

«Красная душа... Атакующий тип, редкая порода. И характер прямой. Пожалуй, они с Сяо Баем могут сработаться».

Перед ним стоял парень в очках, на вид его ровесник. Облик интеллигентный, но взгляд слишком острый, пронизательный. Под короткими рукавами рубашки угадывались не субтильные кости, как у большинства городских подростков, а крепкие, тренированные мышцы.

«Вот только способности его ещё не пробудились. Спит в нём сила, он и сам о ней не подозревает. Разумно ли ставить такого человека к Сяо Баю? Не получим ли мы в итоге двух Сяо Баев?»

Спустя мгновение парень, словно получив безмолвный ответ, усмехнулся:

— Хм, твоя правда. Выбирать нам не приходится. Но, судя по его прошлому, он быстро превратится в того, на кого можно будет положиться. Нам как раз нужен такой человек.

И Цзян не понимал ни слова. С кем говорил этот очкарик? Точно не с ним. Снова полилась музыка, и тело стало совсем невесомым. Никогда прежде он не чувствовал такого блаженства. Он перестал сопротивляться дреме и снова погрузился в забытие.

Звонок будильника вырвал его из сна. Летнее солнце, даже сквозь плотные шторы, заливало комнату мягким светом. И Цзян сел на кровати, чувствуя необычайную бодрость, будто всё его естество обновилось за одну ночь.

Виной тому был тот странный сон? Музыка была божественной, но кто этот парень в очках? И Цзян был уверен, что никогда его не встречал. Как можно увидеть во сне абсолютно незнакомого человека?

Впрочем, раздумывать было некогда. Пока он умывался, мать уже накрыла на стол. Академия Циюэ находилась в пригороде, добираться туда на автобусе — не меньше часа, да и правила обязывали студентов жить в общежитии. Мысль о том, что он больше не будет завтракать дома, кольнула сердце тоской.

— Мам...

Она уже разлила кашу по мискам. Увидев, что сын готов, мать лишь коротко бросила:

— Садись есть.

Завтрак был привычно скромным: разваренная белая рисовая каша, домашние соленья, сдобренные каплей острого масла, и два варёных яйца в чашке с холодной водой. Яйца предназначались только ему — мать их никогда не ела, жалуясь на плохое пищеварение.

Они ели молча. Мать ушла на кухню мыть посуду. В ресторане её смена начиналась ближе к полудню, так что утро она обычно тратила на стирку и уборку.

Но сегодня, закончив с делами, она зашла в комнату И Цзяна. Мать ещё раз проверила его сумку, беспрестанно давая мелкие наставления. Поскольку академия была рядом, И Цзян взял одежду только на лето и осень. Вещей у него было немного, так что без зимних курток всё уместилось в одну среднюю сумку. В рюкзаке лежали средства гигиены и документы. В уведомлении говорилось, что общежитие предоставляет постельное бельё, так что другого багажа не требовалось.

— Мам, я пошёл, — И Цзян закинул сумку на плечо и остановился в дверях. — В университете график свободнее, я найду подработку, так что на выходных, может, буду редко заглядывать...

Мать кивнула. Она замаялась, явно желая что-то сказать, но в итоге выдавила:

— Учись прилежно. Если денег на жизнь не хватит — звони.

— Я буду стараться, мама. С деньгами разберусь. За учёбу платить не надо, так что ты тоже... не переутруждайся.

Спускаясь по лестнице, он едва удержался, чтобы не обернуться. От города до академии Циюэ дважды в день ходил служебный автобус. Опоздаешь на утренний — придётся ждать до вечера или вовсе до завтра.

В автобусе, следующем в пригород, было пусто. И Цзян надеялся встретить других первокурсников, но среди пассажиров не было никого его возраста. На остановках люди потихоньку выходили, и в конце концов он остался в салоне совсем один.

«Неужели из нашего города я поступил один?» — с тревогой подумал он, глядя в окно на мелькающие деревья. Место для академии выбрали на редкость глухое — автобус уже давно петлял по горному серпантину. Лес становился всё гуще, воздух — чище. Наверное, для школы искусств тишина и природа — самое то. В городе вечный шум точно мешал бы занятиям.

Едва он об этом подумал, как за очередным поворотом показались строения. Дорога упиралась в массивные ворота, выкрашенные красным лаком и украшенные бронзовыми заклепками в старинном стиле. У входа замерли две каменные фигуры. Это были не привычные львы, а изваяния древних воинов с мечами в руках. Мастерство скульптора поражало: гневный, пронзительный взгляд воинов, казалось, мог обратить в бегство целую армию. Даже без красок они источали пугающую величественность.

И Цзян не успел опомниться, как автобус миновал ворота, развернулся у круглого фонтана и затормозил.

— Что застыл? Выходи давай! — крикнул водитель. — Приехали. Академия Циюз!

<http://bllate.org/book/17421/1648447>